

082

ПОЦЕЛУЙ

ИВОНН ЛИНДСЕЙ

Брачная сделка

Поцелуй – Harlequin

Ивонн Линдсей
Брачная сделка

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Линдсей И.

Брачная сделка / И. Линдсей — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

Шанал Пит – талантливый ученый и красивая девушка, казалось, все для себя решила: удачный брак спасет ее от финансовых и жизненных проблем. Она и сама не ожидала, что сбежит от богатого жениха прямо от алтаря без документов и денег. Девушка не знала, где укроется от человека, сумевшего опутать ее обязательствами, но рядом оказался Рейф Мастерз, он предоставил ей убежище. С детства влюбленный в Шанал, Рейф не понимал, как она могла согласиться на брак с Бертоном Роджерсом, человеком бездушным и жестоким. И когда все же незадачливая невеста вернулась к жениху, Мастерз решил во что бы то ни стало докопаться до истины и защитить Шанал от Роджерса...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Линдсей И., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ивонн Линдсей

Брачная сделка

Глава 1

– Мы собрались здесь сегодня... Идеально модулированный голос священника наполнил собор. Сквозь витражные окна проникали солнечные лучи, отбрасывая на пол и стены многоцветные блики. Пьянящий аромат гардений в букете невесты, доставленных специально по требованию Бертона, проникал в ноздри Шанал, отчего становилось трудно дышать.

– ...чтобы соединить Бертона и Шанал священными узами брака... Неужели именно этого хотела она больше всего на свете?

Она слегка повернула голову, чтобы взглянуть на жениха. Бертон Роджерс, такой красивый, такой умный, такой успешный. Такой богатый. Хороший парень... нет, классный парень. И нравился ей, действительно нравился.

«Нравился». Какое пресное, какое безликое выражение!

– ...что является благородным и ответственным состоянием, и, следовательно, не стоит вступать в брак поспешно или легкомысленно, но благоговейно и с ясным разумом.

В памяти пронеслись слова, которые она всего год назад говорила своему другу Этану Мастерзу:

– У тебя появился шанс испытать ту вечную любовь, о которой многим людям дано только мечтать. Я завидую тебе, потому что именно такой любви хочу от человека, за которого выйду замуж, если вообще решусь сочетаться браком. И можешь быть уверен: я не готова довольствоваться меньшим. Ни за что!

Ничего не скажешь, храбрые слова, произнесенные до того, как ее мир стал раскалываться. До того, как она пожертвовала шансом найти истинную любовь. До того, как схватилась за возможность дать родителям спокойную старость после того, как их жизни были разрушены.

Был ли Бертон ее вечной любовью? Нет. Довольствовалась ли она меньшим? Определенно.

Все в лаборатории центра исследования виноградарства твердили, что ей очень повезло в тот день, когда она привлекла внимание Бертона. Подшучивали над тем, что она нашла любовь в их стерильной среде, и, судя по тому, как обстояли дела, были правы. В качестве ее босса Бертон заработал репутацию человека, ожидавшего совершенства во всем. Очевидно, она попала в эту категорию. И, учитывая все это, соглашалась с тем, как сильно ей повезло.

Изображала радость в присутствии коллег, когда он просил ее стать его женой и предлагал решить все проблемы. Она убеждала всех окружающих, пока почти не поверила сама, что помолвка сделала ее счастливейшей в мире женщиной.

Все собравшиеся в соборе считали, что это лучший день ее жизни. Все, кроме одного человека, который пытался отговорить ее от свадьбы. Она снова бросила взгляд в сторону, но не сумела увидеть Рейфа Мастерза, двоюродного брата Этана, в толпе из двухсот приглашенных, ухитрившихся втиснуться в ряды церковных скамей. Но она знала, что он здесь. С того момента, как она шла по церковному проходу к алтарю в сопровождении родителей – отец сидел в инвалидном кресле, в момент своего крайне редкого появления на людях, – чувствовала острую тревогу, которую ощущала только в присутствии Рейфа.

– И эти двое, стоящие у алтаря, сейчас будут соединены в браке.

В ушах Шанал все громче звенело. Грудь сдавило. Руки дрожали так, что тяжелый букет мелко трясся, издавая все более назойливый аромат.

– Если кому-то известна причина, по которой Бертон и Шанал не могут быть соединены в законном браке, пусть скажет сейчас или навечно хранит молчание.

Тишина в соборе становилась все более напряженной. Тишина, наполненная все усиливавшимся звоном в ушах и хаотическим биением сердца.

Навсегда. Это так долго...

На секунду она вспомнила о родителях. О том, как ее отец всегда любил мать и ни в чем ей не отказывал. О том, как мать всегда была надежной опорой мужу, даже сейчас, при всей неопределенности, которую сулило будущее. Станет ли Бертон такой же опорой для нее? Сможет ли?

В голове вертелись слова священника: «...причина... не могут быть соединены в браке... скажет сейчас...»

– Мне, – неожиданно сказала она дрожащим, неуверенным голосом.

Бертон наклонил свою идеально причесанную голову. Губы недоуменно скривились.

– Дорогая? Это не твоя реплика, во всяком случае пока.

Она уронила букет, чтобы поскорее избавиться от запаха цветов. Букет тяжело упал на покрытый ковром алтарь, но она уже снимала с пальца кольцо с трехкратным бриллиантом огранки «принцесса».

«Принцесса» для моей принцессы», – сказал Бертон, когда надел его ей на палец. Кольцо, разумеется, идеально подошло.

Шанал сунула кольцо жениху.

– Я не могу сделать это, Бертон. Мне так жаль, – выдавила она.

И впервые увидела, как ее жених-эрудит лишился дара речи. Он машинально взял у нее кольцо, хотя манеры по-прежнему оставались прекрасными. Едва его пальцы сжали символ их совместного будущего, Шанал отвернулась от священника в черном облачении, жениха в сшитом вручную смокинге и подобрала широкие юбки.

– Простите, – прошептала она в сторону родителей, сидевших в переднем ряду с застывшими в потрясении, тревоге и отчаянии лицами.

И ринулась к выходу.

Рейф Мастерз слушал монотонный голос священника, проводившего церемонию, которую он посетил только в качестве одолжения Этану, бывшему в этот момент в свадебном путешествии. Шанал Пит и Этан были друзьями так долго, что девушка словно стала членом семьи Мастерз. Было безусловно правильно и естественно, что кто-то из семьи будет присутствовать на свадьбе вместо Этана. Жаль только, что этот кто-то – он! Если бы это зависело от Рейфа, он был бы в этот момент где угодно, только не здесь.

Он уже планировал бегство при первой возможности, когда услышал слова священника. И сам собирался встать и привести довод, согласно которому свадьба не должна была состояться. Просто потому, что он возражал против этого брака, и не по одной причине. Но пару месяцев назад Шанал ясно дала понять, что не стоит вмешиваться в чужие дела. Она и слушать не хотела, когда он объяснял, что Бертон не тот человек, с кем ей следует связывать судьбу – в буквальном и переносном смысле. Даже на пять минут, не говоря уже о всей жизни. Но во всем, что касалось Роджерса, у нее были шоры на глазах, а именно это последнему и нравилось.

Когда Этан попросил кузена присутствовать на свадьбе вместо него, Рейф отбивался, как мог, заявляя, что не имеет ни малейшего желания наблюдать, как Роджерс женится на Шанал. Собственно говоря, он вообще не хотел видеть этого человека. Даже если не считать самых мерзких подробностей их отношений... в Бертоне было что-то, вызывавшее в Рейфе стремление всадить кулак в его надменное лицо.

Но Этан отмел все его возражения, напомнив, что в «Мастерз», на семейном курорте и в винодельне, столько работы, что только одному кузену удастся посетить церемонию. Так

что Рейфа просто тошнило при виде того, как она добровольно выходит за человека, который жил по одному правилу: делать все, чтобы его жизнь оставалась идеальной, и для этого был готов идти по трупам. По мнению Рейфа, Бертону было наплевать на окружающих. Главное – добиться своей цели. Рейф считал его виновным в смерти бывшей подружки Лорел Холлис, что бы там ни говорилось в вердикте коронера.

Роджерсу удалось выйти из истории с падением в каньон совершенно незапятнанным, но хотя Рейф там не присутствовал, все же был уверен, что подробности этого несчастного случая раскрыты далеко не до конца. И он не терял надежды когда-нибудь обнаружить правду. Но пока что приходилось сидеть и наблюдать, как женщина, которую он желал с ранней юности, так давно, что боялся признаться в этом даже себе, выходит за человека, которого он терпеть не мог и которому не доверял.

Шанал была на три года его старше, так что их отношения с самой первой встречи, пятнадцать лет назад, были весьма неловкими. Однажды она, к стыду Рейфа, разрушила все его надежды и мечты, да еще в присутствии всей семьи. С тех пор каждая их встреча была отмечена завуалированными уколами и громкими перепалками. Но его влечение к ней никогда не меркло. И хотя они никогда не были близки, он действительно любил Шанал и хотел ей счастья.

Он перебирал все это в памяти, когда приехал навестить ее после объявления о помолвке. Рейф не верил, что Бертон Роджерс способен надолго сделать счастливой любую женщину, и хотел предупредить Шанал. Но ему следовало лучше ее знать. Как только она оправилась от удивления по поводу его приезда и услышала просьбу хорошенько обдумать будущее замужество, без обиняков дала понять, что он зря тратит время. Вернее, со своей обычной лаконичностью велела ему отваливать. И он отвалил.

Теперь присутствующие застыли, не веря своим ушам. И Рейф тоже был не в силах двинуться с места.

Неужели его слова оказались катализатором, который теперь заставил ее ракетой лететь к выходу в вихре кружев и стразов?

Потрясенное выражение ее лица заставило его очнуться и действовать. Каковы бы ни были их разногласия, она нуждалась в помощи. И поскольку причиной, по которой она нуждалась в помощи, был совет, данный Рейфом, он посчитал своим долгом эту помощь оказать.

Двери церкви лязгнули, закрываясь перед его носом. Он толкнул тяжелую створку и метнулся вниз по ступенькам, преследуя видение в белом, которое без оглядки мчалось по тротуару в сад, расстилавшийся поодаль. Именно там он и нашел ее. К этому времени она уже замедлила шаг, чтобы отдышаться. Светло-бронзовая кожа теперь выглядела бледной. Рейф подвел ее к скамье, прежде чем она успела рухнуть прямо на гравийную дорожку.

– Дыши, – велел он, срывая пиджак и накидывая его на обнаженные подрагивающие плечи. Она мгновенно утонула в пиджаке. В Аделаиде в июле было не слишком тепло. Одета в платье без бретелек, она мгновенно замерзнет.

– Медленно и глубоко. Давай! – ободряюще сказал он. – Ты можешь это сделать.

– Мне... нужно... было... обратиться оттуда, – выдохнула она.

Он был шокирован ее явным волнением. Шанал всегда была Королевой Спокойствия. Ничто не могло вывести ее из себя. Разве что игрушечный питон, которого сунул в ее сумку пятнадцатилетний Рейф.

Он стал растирать ее плечи через тонкую шерсть пиджака.

– Ничего не говори. Просто дыши, Шанал. Все будет хорошо.

– Нет. Ничего хорошего не будет, – сдавленно пробормотала она.

– Ты с этим справишься, – заверил он как мог ободряюще.

Не успели слова сорваться с его губ, как он вспомнил о выражении лица оставленного у алтаря Бертона. Выражении, которого не увидела Шанал. И слава богу, иначе продолжала бы бежать не останавливаясь.

Рейф давно знал, что Бертон алчен и корыстолюбив. И любыми средствами и способами должен был оказаться лучшим и получить лучшее. Но было и еще какое-то свойство, ясно написанное на лице всего мгновение, пока он видел, как последнее приобретение удирает от него. Пусть Рейф не слишком много общался с ним последние три года, все же знал, что Бертон Роджерс – не тот человек, который потерпит отказ или публичное унижение.

Шанал попыталась выпрямиться и сорвала вуаль и цветы со смоляно-черных волос, не обращая внимания на шпильки. Добившись своего, она швырнула смятые цветы и прозрачную ткань на дорожку у своих ног. Повернулась к Рейфу и схватила его за руки. Он был потрясен холодностью ее пальцев. Словно она промерзла до костей.

– Увези меня, – взмолилась она. – Увези далеко... прямо сейчас. Такого он никак не ожидал.

– Уверена? – спросил он.

– Пожалуйста, увези меня отсюда, – упрашивала она. Колдовские светло-зеленые глаза сияли непролитыми слезами.

Именно слезы лишили его равновесия. Он вспомнил о своем «мазерати», припаркованном в добрых двух кварталах отсюда. Пока что из собора почти никто не вышел, но скоро оттуда вывалится целая толпа. Он и Шанал ни за что не успеют добраться до машины, прежде чем кто-то догонит их. А тогда Шанал придется отбиваться от вопросов расстроенных родных и друзей, желающих знать, почему она сбежала с собственной свадьбы. Она совсем не выглядела готовой к разговору. Пока он оценивал ситуацию, за угол завернуло такси. Рейф сжал маленькую руку Шанал и заставил девушку подняться.

– Пойдем, – скомандовал он и ринулся к тротуару, увлекая за собой Шанал, после чего поднял руку, чтобы привлечь внимание таксиста.

К его невероятному облегчению, машина остановилась. Глаза водителя были размером с блюдце. Челюсть отвисла при виде Рейфа, усаживавшего в машину девушку в подвенечном платье. Рейф коротко сообщил свой адрес растерянному водителю и захлопнул дверь.

Шанал сидела рядом с ним, бледная, но более спокойная. Машина отъехала от обочины и влилась в поток других автомобилей. Толпа у дверей собора продолжала расти. В середине стоял Бертон, провожая взглядом удалявшееся такси. Даже на таком расстоянии Рейфу стало не по себе. Жених, естественно, счастливым не выглядел.

Рейф отвернулся. Счастье Бертона никогда не было его заботой, и, пока этот тип не сорвет зло на Шанал, Рейф мог спокойно злорадствовать при виде поражения врага.

По дороге оба молчали, и Рейф не сказал ни слова, пока наконец, спустя сорок пять минут, они не добрались до его дома. Его телефон, поставленный на виброзвонок на время церемонии, постоянно подрагивал в кармане брюк. Он точно знал, кто звонит, но не имел ни малейшего намерения ответить.

– Что мы здесь делаем? – спросила Шанал, когда такси отъехало, оставив их у одноэтажного дома Рейфа, ютившегося на границе старого, знаменитого фамильного виноградника. – Это первое место, где он будет нас искать. Должно быть, видел, как мы садимся в такси.

Брови Рейфа взлетели вверх.

– Не знал, что нам предстоит от него скрываться. Действительно не хочешь, чтобы он знал, где ты? Абсолютно уверена, что не хочешь поговорить с ним и все выяснить?

Шанал содрогнулась:

– Нет. Не могу. Я... я просто не могу.

Рейф открыл дверь и жестом пригласил ее войти. Его поразила абсурдность ситуации. Он всегда представлял, как когда-нибудь приведет домой невесту... но только не таким образом. Однако, если она хочет уйти от Бертона, тогда самое меньшее, что мог сделать Рейф, – позволить ей привести себя в порядок, прежде чем она направится... куда бы ни собиралась уйти отсюда.

– Принести тебе выпить?

– Воды, пожалуйста.

Она последовала за ним в гостиную. Каблуки стучали, многослойные юбки шуршали по твердой поверхности изразцового пола. На кухне он налил стакан минеральной воды из холодильника и протянул ей.

– Спасибо, – поблагодарила она, со стуком ставя стакан на гранитную столешницу. – Я едва не умерла от жажды. Куда ты меня повезешь? Мы не можем здесь оставаться.

Повезешь? С чего она взяла, что он собирается куда-то ее везти? Она просила его избавиться от разговора с женихом и гостями. Он так и сделал. И на этом его участие в ее судьбе должно закончиться. Он конечно же готов ей помогать, но она всегда была так холодна с ним, всегда очень решительно держала его на расстоянии. Почему сейчас она хочет зависеть от него? Это так на нее не похоже.

Шанал, очевидно, поняла, о чем он думает.

– Прости, это было слишком самонадеянно с моей стороны. Я хотела спросить: не можешь ты помочь мне ненадолго скрыться? Я вроде как в безвыходном положении, – прошептала она, беспомощно протягивая к нему руки.

Шанал права. Она в безвыходном положении, а уж то, что на ней сейчас надето... у нее с собой даже сумочки нет!

Рейф внимательно ее изучал. Лицо превратилось в напряженную маску, в глазах испуг раненого животного. Хотя это не должно быть его проблемой, он все же ломал голову, пытаясь придумать, как ей помочь. Где она может скрыться от всего этого кошмара?

Этан выбрал самое подходящее время, чтобы жениться на Изабел, с которой давно встречался, и отправиться в свадебное путешествие на Карибы!

Рейф раздраженно поморщился, но тут ему в голову пришла идея. Он даже криво улыбнулся уголком губ.

– Как насчет круиза?

– Круиза? – удивилась Шанал.

– Да. На речном судне. У меня есть друг, который только что поставил новый двигатель и отремонтировал одну яхту из своего флота. Он все жаловался, что нет времени проверить, как работает двигатель, прежде чем судно пришвартуется вверх по течению Муррея. Славное, медленное путешествие по реке – как раз то, что тебе нужно. И ты сделаешь Маку одолжение, проследив за работой двигателя.

– Как скоро мы можем отплыть?

– Ты серьезно? Хочешь это сделать? Она кивнула.

– Позволь мне сделать звонок.

Он вышел в зону гостиной и отправился в свой кабинет по другую сторону холла. Проверил телефон. Точно, есть несколько сообщений, большинство с одного номера: Бертона Роджерса. Он стер их, не прослушав. Пусть парень поварится в собственном соку.

Но он слегка нахмурился, узнав номер родителей Шанал. Следует дать им знать, что с ней все в порядке, но сначала нужно связаться с другом.

Где у него был номер Мака? А, вот!

Рейф нашел визитку, которую дал его друг, когда они встретились в баре Адэлаиды, и сбил номер в телефон. Через несколько минут все было улажено.

Когда он вернулся, Шанал стояла перед большими двойными стеклянными дверями, выходящими на виноградник. Она сняла его пиджак и вынула из волос последние шпильки, предоставив волнистым прядям рассыпаться по плечам черной шелковистой рекой. У него чесались руки коснуться этих волос. Погладить их. Но он сказал себе, что это глупо. То неотвязное физическое влечение, загоревшееся, когда он был еще школьником, продолжало тлеть под охладевшей поверхностью, но он знал, что не стоит давать ему волю. Шанал сама препо-

дала ему этот урок. Он помнил о нем все прошедшие годы, и ему не нужна еще одна пощечина вроде той, которую она дала ему двенадцать лет назад. Так что он определенно не желал напрашиваться на очередной отпор.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она вздохнула и, разом ссутулясь, покачала головой:

– Нет. И вряд ли когда-нибудь после такого буду в порядке.

– Эй, ну конечно, будешь! Я говорил с Маком, и он счастлив ссудить нам суденышко.

Поскольку каникулы закончились, клиентов у него совсем мало, так что можешь пробыть на реке сколько угодно. Тебе будет полезен свежий воздух. И убежище надежное. Будет время подумать. А когда вернешься, сможешь здраво оценить случившееся.

Ее губы скривились в подобии улыбки.

– Почему-то мне кажется, что здравый смысл не поможет в решении моих проблем. Но спасибо за все, что ты для меня сделал. Как скоро мы можем уехать?

Рейф мысленно прикинул. До Маннума больше часа езды. Там будет ждать Мак вместе со своим плавучим домом.

– Но сначала мне нужно переодеться, – заметил он. – Хочешь, посмотрю, не оставила ли чего Кэтлин? Ее одежда будет тебе впору. И мы всегда сможем купить тебе что-нибудь по пути к бухте.

Его младшая сестра вела дом, пока он ездил во Францию, чтобы найти кое-какие факты, связанные с управлением семейными виноградниками. Не то чтобы дом нуждался в присмотре, но хотя Кэтлин по большей части любила жить вместе с остальными членами семьи в большом доме, все же обеими руками хваталась за любую возможность побыть одной.

– Пожалуйста, – попросила Шанал, перебирая складки юбки. – Мне очень хочется сбросить это. Немного привлекает внимание, не думаешь?

Приятно видеть, что она не растеряла едкого юмора, от которого он так часто страдал в прошлом.

– Немного, – согласился он, хотя губы дрогнули в улыбке. – Пойдем со мной, посмотрим, что сможем найти.

Он повел ее в гостевое крыло дома, в комнату, где жила Кэтлин, и открыл дверь гардероба. И впервые мысленно поблагодарил сестру за привычку оставлять вещи, где бы она ни гостила. На полке гардероба были аккуратно сложены джинсы и топы. На вешалке висела легкая куртка, а в коробке на полу даже лежали мокасины.

– Вы ведь одного размера, верно? – спросил он, показывая на вещи.

– Почти, – кивнула Шанал и потянулась к джинсам и футболке с длинными рукавами, которые и положила на кровать. – Но даже если вещи не будут сидеть идеально, учитывая обстоятельства, я предпочитаю этому платью все что угодно. Можешь помочь мне выбраться из него? Пуговицы такие крошечные, что мне самой не расстегнуть.

У Рейфа пересохло во рту, так что пришлось судорожно слотнуть. Раздеть ее? Черт, да он мечтал об этом моменте с пятнадцати лет!

Но он резко захлопнул дверь перед носом своих разгулявшихся мыслей.

Сейчас не время и не место предаваться фантазиям – решительно предупредил он себя. Сейчас ей нужен друг, и именно другом он ей будет. Ничем больше. Теперь и навсегда. Она ничего от него не желает. И он не вынесет, если она снова его отвергнет.

Шанал повернулась спиной к нему и отвела с плеч волосы. Его окутало облако ее аромата, пьянящая смесь пряностей и цветов. Его так и подмывало наклонить голову и вдохнуть глубже. Но он подавил порыв и стал дышать ртом. Она не принадлежит ему. Ее нельзя касаться. Пробовать на вкус. НЕЛЬЗЯ!

Она только что сбежала от жениха, и, хотя каждая клеточка его тела пела от восторга – некоторые клеточки громче других, – он не из тех, кто воспользуется ее положением. Не из

уважения к Бертону. Потому что этот человек не заслужил ничего, кроме его презрения. Но ради Шанал. Что бы ни побудило ее сбежать со свадьбы посреди церемонии, – и в глубине души он умирал от желания узнать, что заставило ее передумать в последний момент, – она явно потрясена и расстроена. Не хватало ей еще нежелательных знаков внимания от парня, которого она отвергала десять раз.

Рейф глубоко вздохнул, прежде чем приняться за работу. Кожа Шанал над краем выреза была изысканно бронзовой: цвет, напоминавший о смешанном происхождении от матери-индианки и отца-австралийца.

– Странно, что ты не надела сари, – заметил Рейф, полный решимости отвлечь ее от того факта, что его пальцы, обычно гибкие и ловкие, вдруг стали неуклюжими из-за ее близости и того, как крохотные пуговички, выскальзывавшие из петелек, все больше открывали ее прекрасную кожу.

Его пальцы соскользнули с пуговицы и коснулись ее лопатки. Ее кожа мгновенно покрылась мурашками, и он услышал, как она охнула.

– Прости, – выдавил он, вынуждая себя быть внимательнее.

– Ничего страшного, – ответила она чуть хрипло. – А что касается твоего вопроса о сари, Бертон сказал, что предпочитает видеть меня одетой более традиционно.

Рейф нахмурился и, не в силах скрыть раздражения, спросил:

– Традиционно? Для кого? Шанал не ответила.

– Думаю, с остальным я справлюсь, – бросила она, немного отстранившись и прижимая ладони к вышитому стразами лифу платья, чтобы оно не соскользнуло. – Спасибо.

– Без проблем. Пойду тоже переоденусь. Если понадобится – крикни.

Их взгляды встретились, и он прочел в ее глазах осязаемое доверие. Чувство было удивительно пьянящим. Шанал всегда была такой холодной, такой отчужденной, такой сдержанной. Он никогда раньше не видел ее столь уязвимой, и тот факт, что она предпочла в тяжелую минуту довериться ему, Рейфу... много значил.

Она слегка кивнула, взяла с постели вещи Кэтлин и шагнула к ванной:

– Я недолго.

– Времени у нас много, можешь не торопиться, – заверил он и вышел из комнаты.

«Лучше бы ты пробыла здесь подольше», – добавил он про себя. Потому что пройдет немало времени, прежде чем он возьмет под контроль свои бушующие гормоны.

Глава 2

Шанал закрыла за собой дверь ванной и стащила подвенечное платье. Не заботясь о том, что порвет тонкую дорогую ткань, она швырнула платье на пол. И вздрогнула. Сейчас ей было ужасно холодно, словно она промерзла до мозга костей. Она поспешно надела джинсы и слегка втянула живот, чтобы застегнуть молнию. Формы у Кэтлин были немного менее заметными, чем у нее, и это отражалось в покрое джинсов, которые любила девушка. Жаль, конечно, но нищим выбирать не приходится, – решила Шанал, просовывая руки в рукава футболки. Эта мысль содержала болезненную иронию, о которой она сейчас не хотела думать. У нее и без того забот достаточно. В том, что она только сейчас сделала, по-прежнему было нечто нереальное. Мало того, она едва была способна верить тому, что сделала это. Сбежала от всего... от всех.

Она знала, что Бертон разозлится. Справедливо? Вполне вероятно. Между ними существовало соглашение, и она уже успела узнать о Бертоне Роджерсе, что он не выносит, когда кто-то переходит ему дорогу, не говоря уже о том, когда унижают, да еще в соборе, в присутствии толпы знакомых, друзей и начальства. И она уж точно не была готова встретиться с ним лицом к лицу. Не то чтобы она боялась какого-то физического насилия с его стороны: нет, это будет ниже его достоинства. Но как объяснить человеку, считавшемуся мечтой каждой женщины, что ты больше не хочешь быть его невестой? Но она твердо знала, что не сможет пройти через это. Ей нужно пространство... время подумать. Выработать стратегию, чтобы преодолеть ситуацию, в которую она попала по своей воле.

Шанал снова вздрогнула и ощутила, как перехватило горло. Дышать стало трудно, она закрыла глаза и сосредоточилась на медленных вдохах и выдохах. Когда невидимый обруч стал разжиматься, она постаралась думать связно, обратившись к своему логическому мышлению. Тому самому, которое взвешивало все доводы «за» и «против» предложения Бертона так тщательно, что она решила принять предложение, хотя знала, что не любит его.

Обруч сжался с новой силой. Нет, она не может даже думать об этом, иначе вот-вот сорвется. Двое людей, так сильно зависевших от нее, мама и папа, будут вне себя от тревоги. За нее. За себя. Им и без того почти невозможно платить за лечение отца. Через несколько месяцев они не смогут оплачивать самые необходимые расходы, у них не будет денег даже на продукты.

Ее решение сбежать от Бертона повлияет на всех.

Но она найдет выход. Должна найти. А вдруг все не так уж плохо? Может быть, она впала в такую панику, что все кажется хуже, чем на самом деле. Но сейчас она нуждается в расстоянии. Расстоянии и здоровой дозе верной оценки перспективы. Рейф беспрекословно предоставил ей и то и другое.

Но каковы его мотивы? Делает ли он это потому, что хочет помочь ей, или потому, что стремится больнее ранить Бертона? Он приехал к ней, в дом родителей, три месяца назад, после объявления о помолвке. Не тратя времени на любезности и поздравления, перешел прямо к делу и сказал, что явился отговорить ее от брака с Бертоном. Но она ответила, что свадьба состоится, что бы он ни говорил, и очень твердо попросила Рейфа уйти, даже его не выслушав. Она знала о вражде между ним и Бертоном, и, по словам последнего, дело было в идиотском соперничестве из-за женщины. Но, что бы ни случилось, Рейф явно затаил на него злобу, и она предположила, что именно из-за этого он решил поговорить с ней.

В висках болезненно запульсировала кровь. Слишком тяжело сейчас думать об этом. Ей хотелось лечь в постель, забраться под одеяло и проспать неделю. Но вместо этого она вынудила себя двигаться – надеть носки и туфли, оставленные Кэтлин.

Глянув в зеркало, Шанал увидела незнакомку. Обычно она никогда не накладывала столько косметики и не хотела делать этого сегодня. Но Бертон настоял на том, чтобы она поз-

волила ему прислать визажиста. Утром. Для приготовлений к этому необыкновенному дню. Она смирилась, посчитав, что это не имеет значения. Но по мере того, как накладывался каждый слой, она все сильнее чувствовала себя так, словно ее истинное «я» прячут под маской.

Каково это – быть замужем за Бертоном? Он настаивал на беспрекословном выполнении своих решений и душил все, что отличало ее, пока сама личность Шанал не была похоронена под грузом его желаний.

Она нагнулась над раковиной и отмыла лицо дочиста, спеша вернуть хотя бы эту часть себя.

Стук в дверь заставил ее очнуться. На время забыть о тех вопросах, с которыми она не хотела сталкиваться. На которые не хотела отвечать.

– Ты в порядке? – услышала она голос Рейфа.

Нет. Не в порядке. Во всяком случае, сейчас. Но оставалось надеяться, что когда-нибудь будет.

– Входи, – откликнулась она.

Он вошел, и она заметила, что на нем поношенные, облежавшие бедра джинсы и синий рыбацкий свитер крупной вязки, льнувший к его широким плечам, отчего они казались невероятно сильными и мужественными. Слово он мог вынести на них тяжесть мира и даже этого не заметить. Она очень на это надеялась, опасаясь, что стала ближе к нервному срыву, чем полчаса назад.

– Нам пора. Я положил в багажник сумку с вещами для тебя. Брюки, свитера и куртку потолще, чем у Кэтлин. Они слишком тебе велики, но, по крайней мере, не замерзнешь. Можем по дороге остановиться, купить белье, туалетные принадлежности и все, что тебе понадобится.

Шанал кивнула. Какое облегчение, когда кто-то о тебе заботится! Кто-то хоть иногда думает вместо тебя!

Шанал вышла из комнаты вслед за Рейфом, даже не взглянув на холмик тюля, все еще лежавший на полу ванной.

– Мне нужно позвонить родителям, – сказала она, когда они остановились перед дверью гаража. – Дать им знать, что со мной все хорошо.

– Уже сделано, – немедленно ответил Рейф. – Они посылают свою любовь.

Разве? Или посылают упреки, страхи за будущее, поскольку она разбила их единственную надежду на спокойную обеспеченную жизнь? Деньги, которые Бертон согласился заплатить после их свадьбы, никогда не появятся. Мало того, теперь у нее даже нет работы.

– Они... Они в порядке?

– Беспокоятся за тебя, но я заверил их, что о тебе позаботятся.

Она проглотила всхлип и что-то пробормотала в ответ. Но тревога в ее голосе заставила Рейфа повернуть голову и присмотреться к ней.

– Все обойдется, Шанал. Ты все сделала правильно. Так ли это? Или она просто уничтожила не только будущее родителей, но и свое собственное?

Рейф открыл для нее пассажирскую дверь джипа и пошел к водительскому месту.

– Мак загружает плавучий домик всем, что тебе понадобится, по крайней мере на неделю, – сообщил он, садясь за руль и пультом закрывая дверь гаража.

– Я возьму тебе все расходы, Рейф. Обещаю, – уныло пробормотала она.

– Сейчас не стоит об этом волноваться, – отмахнулся он. – Почему бы тебе не откинуть сиденье и не закрыть глаза? Выглядишь совершенно измотанной. Попытайся немного поспать, хорошо?

Она послушалась совета, но, как оказалось, была слишком взвинчена, чтобы спать, и вместо этого слушала, как он говорит по телефону с младшим братом Кейдом и договаривается, чтобы тот забрал машину, которую Рейф оставил припаркованной около церкви.

Ее терзало чувство вины при мысли обо всем, что он сегодня для нее сделал. А теперь вызвался отвезти ее в Маннум, чтобы она могла хорошенько все обдумать.

Человек, с которым она никогда не вела себя дружелюбно, похоже, готов для нее на многое.

Может, это просто характеризует его как человека, – думала она, слыша, как он со смехом предупреждает брата не слишком превышать скорость, когда будет проезжать по холмам Аделаиды по пути к его дому. Человека, которого, нужно признать, она не слишком хорошо знает.

Закончив разговор, он включил радио, настроенное на канал классической музыки. Она очень удивилась, поскольку считала, что он, скорее, любит поп-музыку или рок.

Но опять же, что Шанал в действительности знала о нем, кроме того, что он кузен ее лучшего друга? Да, он всегда бывал на семейных собраниях в «Мастерз», куда ее приглашал Этан. Но Рейф тремя годами младше, а когда они встретились, ему было пятнадцать, ей уже восемнадцать, так что разница казалась значительной. Она мгновенно посчитала его ребенком и с тех пор почти о нем не думала.

Она рано поняла, что он влюблен в нее, но предпочла игнорировать его чувства. Да и его тоже. По большей части. Сначала это давалось легко, особенно еще и потому, что их дорожки редко пересекались. А когда думала о нем, даже сейчас, по-прежнему смотрела как на ребенка. Шанал и не заметила, как он навсегда оставил детство позади.

До этой минуты.

До того, как она осознала, что мальчик определенно стал мужчиной. Мужчиной, на которого можно положиться, когда иного выхода просто не оставалось.

Она открыла глаза и стала наблюдать, как он ведет машину, сосредоточившись на дороге. Руки уверенно лежали на руле. Он был немного стройнее Этана, но, если не считать этого, семейное сходство было неоспоримым. Ростом чуть больше шести футов, с темными, зачесанными назад волосами и синими глазами, которые, казалось, всегда замечали немного больше положенного, Рейф, как и остальные члены семьи Мастерз, был красив. Ему очень шел загар – побочный эффект работы на свежем воздухе над лозами, растущими в различных виноградниках фирмы «Мастерз». Но все равно, если приглядеться, разница была. В Рейфе бурлила постоянно подавляемая энергия, тогда как его кузен всегда был спокоен и все делал размеренно. Но Рейф, несомненно, был человеком действия, и его непосредственность была одной из тех причин, по которым она по-прежнему считала его ребенком, порывистым и легкомысленным, не учитывавшим последствий своих поступков. Сегодняшний день – прекрасный этому пример. Что там Этан говорил о Рейфе? Ах да. Он из тех, которые всегда прыгают, прежде чем посмотрят, куда именно приземляться. Но сегодня она была воистину благодарна ему за это. Он ни разу не спросил, почему она сбежала со свадьбы. Просто увез ее, когда она об этом попросила.

Не будь его, она бы понятия не имела, куда идти и что делать. Она никогда не была порывистой и импульсивной. Каждый поступок тщательно планировался и обдумывался. До сегодняшнего дня. Когда она удрала из собора, у нее не было плана. И не было убежища. Просто хотела убраться подальше, не думая о том, что будет потом. Слава богу, Рейф побежал за ней. Она никогда не считала его белым рыцарем, но он точно ее спас. И уверенности в том, что пока что он держит ситуацию в руках, вполне достаточно, чтобы она расслабилась. По крайней мере, ненадолго.

Пошел мелкий, унылый дождь, и Рейф включил «дворники». Их ритмичное шуршание по стеклу успокаивало, и Шанал снова закрыла глаза, едва осознавая, что погружается в сон. А проснувшись, обнаружила, что осталась одна в машине. Выпрямилась и потерла затекшую шею, после чего огляделась, но не смогла понять, где находится. Зато увидела Рейфа, выходящего из маленького бакалейного магазинчика на другой стороне дороги. Вернувшись в машину, он бросил Шанал пластиковый пакет.

– Не хотел будить тебя, но надеюсь, что угадал размер.

Она открыла пакет и увидела пачку из шести цветных трусиков и дамские туалетные принадлежности. Шанал густо покраснела при мысли о том, что он выбирал ее нижнее белье. Но она постаралась не думать об этом. Следует быть благодарной за то, что он так практичен.

– Спасибо, похоже, ты действительно угадал. И еще раз спасибо за то, что помог сегодня. Я... не знаю, что делала бы без тебя.

Эмоции угрожали захлестнуть ее, но тут она почувствовала, как теплые сильные пальцы сомкнулись на ее руке, которая мгновенно загорелась. Удивленная своей реакцией, Шанал вырвала руку. Он пристально глянул на нее:

– Без проблем. Хочешь есть?

Ей следовало бы в этот момент наслаждаться роскошным обедом, заказанным в центре приемов. Желудок сразу скрутило. Она не могла придумать ничего менее привлекательного.

– Пока что нет. Как насчет тебя?

– Я могу подождать, – спокойно ответил он, включая зажигание и выводя джип на дорогу.

– Мы далеко от реки?

– Еще минут десять.

Верный своему слову, он вскоре остановил машину у небольшой пристани для яхт. Дождь прекратился, но дул прохладный ветер, и, выйдя из машины, Шанал зябко обхватила себя руками. Нужно было захватить куртку Кэтлин.

– Вот, надень.

Шанал поймала пуховик, который Рейф взял с заднего сиденья джипа, и с облегченным вздохом просунула в рукава руки. И почти сразу же стало тепло, словно он обнял ее и дал утешение, которого она так отчаянно жаждала сегодня. Она молча последовала за ним на причал, где их уже ждал незнакомый мужчина.

– Мак, это мой друг Шанал. Мак кивнул ей лохматой головой:

– Поднимайтесь на борт, я все вам покажу.

Шанал была удивлена роскошью обстановки. Яхта, одна из самых маленьких у Мака, могла похвастать тремя спальнями и была просторнее небольшого таунхауса, который она снимала в Аделаиде, прежде чем пришлось перебраться домой, чтобы помочь родителям.

– Вы уже водили такие яхты? – спросил Мак.

– Нет, но уверена, что Рейф мне поможет.

– Лучше Мак тебе покажет, – отговорился Рейф. – Тебе следует знать, что делать, когда выйдешь на реку.

Она отметила, что он сказал «тебе», а не «нам». Шанал встревоженно уставилась на него. Паника вновь стиснула горло.

– Ты не поплывешь со мной?

* * *

– Дай нам минуту, – попросил Рейф перед тем, как увести Шанал на палубу. Он был потрясен, ощутив, как сильно она дрожит. После сна Шанал казалась спокойнее и взгляд уже не был таким потрясенным. Но сейчас все вернулось, и с процентами.

– Вот, – сказал он, выдвигая железный стул из-за такого же обеденного стола на палубе. – Садись.

Сам он присел перед Шанал на корточки и стал растирать ей руки, расстроенный тем, что они казались ледяными.

– Я думала, ты тоже поплывешь, – прошептала она. – Ты же не бросишь меня, правда?

Рейф изучал ее, замечая откровенную мольбу в прекрасных зеленых глазах и сведенные брови. Он не собирался плыть с ней. Честно говоря, ему в голову не приходило, что она этого

захочет. Все, что он сегодня сделал, – вытащил из неприятной ситуации и организовал побег, которого она хотела. Ему в голову не приходило, что он может быть ей еще чем-то полезен.

Все, что он знал о ней до сегодняшнего дня: как она умна и сильна, как уверенна и достойна восхищения, – рухнуло у него на глазах. Он посчитал, что плавучий дом будет для Шанал идеальной возможностью вырваться из привычной среды и подумать. Решить, что делать дальше, когда придется вернуться. И зачем он ей нужен? Почему она хочет, чтобы он был рядом, когда только сейчас оставила своего жениха у алтаря?

Хотя она была женщиной, которая, по его мнению, не задумается публично унижить мужчину.

Вспомнить хотя бы его позор, когда она много лет назад в присутствии всей семьи, смеясь, отвергла все попытки пригласить ее на школьный выпускной бал. Рана мучила его сильнее, чем он был готов признать. Конечно, это несравнимо с тем, что она сотворила с Бертоном, но ее метод показывать, что она не заинтересована в мужчине, запомнился надолго, если не навсегда.

– Прости, – прошептала она, прерывая его мысли. – Я прошу слишком много, когда ты уже сделал достаточно для меня. Просто...

Она прикусила губу и стала смотреть на простирившуюся перед ней реку.

– Просто?... – подтолкнул он ее.

– Не хочу быть одна, – вырвалось у нее.

В голосе звучала такая растерянность... черт, да во всей фигуре была такая растерянность, что его словно ударили в солнечное сплетение. Ее тонкие пальцы сомкнулись на его запястье.

– Ты уже сложил сумку, – сказала она в неловкой попытке пошутить, прежде чем вновь стать серьезной. – Рейф, пожалуйста. Я знаю, что прошу большого одолжения, но мне нужно быть с кем-то, кому могу доверять. Только пока не приду в себя.

Она доверяла ему? Он хотел бы сказать, что это взаимно, но уж точно не доверял ей. По пути сюда у него было время подумать. Когда он говорил с ней после помолвки, она безапелляционно заявила, что свадьба состоится. Он сомневался, что любые его доводы заставят ее передумать. Очевидно, делая выбор, она никогда не принимала в расчет его мысли или чувства. Так что же в ней изменилось? Должно быть, она что-то скрывает, и, возможно, это что-то и есть причина ее затравленного взгляда.

Он стал обдумывать ее просьбу. К такому он не готов. И все же что тут плохого? Работа на семейных виноградниках определенно имела свои преимущества зимой, поскольку дел становилось меньше, особенно когда он заканчивал зимнюю обрезку лоз. Сейчас его не держали никакие неотложные обязанности. Ничто не помешает ему взять недельный отпуск, если за это время Шанал настолько оправится, что опять будет готова встать лицом к лицу с миром. Кроме того, на борту яхты три спальни.

Шорох в каюте привлек его внимание. Мак терял терпение и постоянно бросал на него любопытные взгляды. Придется принимать решение. Оставить ее одну или плыть с ней. Он знал, что сделал бы Этан. Более того, чего именно ожидал от него Этан.

Иногда фамильная честь бывает тяжким бременем.

– Хорошо, – выдохнул он. – Я поплыву с тобой.

Глава 3

Облегчение почти лишило ее равновесия. Она схватила его руки:

– Спасибо! Я уже так многим тебе обязана... Рейф отстранился и встал:

– Ты ничем мне не обязана.

Она почувствовала его отчуждение, словно пощечину, и подняла руку к горлу, наблюдая, как он входит в главную каюту. Боже, как она сумела все испортить! Сожалеет ли Рейф, что спас ее сегодня? Она бы его не осудила. Одно дело – увести Шанал со сцены ее разбитого будущего, и совсем другое – продолжить с ней путешествие. Она столько попросила у него! А ведь они даже не были близки!

Зная о его увлечении, она всегда старалась держаться подальше. Никогда не подавала ему надежду. И всегда считала, что так лучше. Хотя все это было не только ради него, но и ради нее. С тех пор как он из школьника превратился в молодого мужчину, было в нем что-то, заставлявшее волосы на ее затылке вставать дыбом. Что-то неопределенное всегда действовало ей на нервы, когда он был рядом, и заставляло неприятно осознавать себя и реакции своего тела на Рейфа.

Тогда она твердила себе, что это абсурдно. У нее распланирована вся жизнь, и кому-то вроде Рейфа нет в ней места. Она всегда была спокойной, благоразумной, а он относился к жизни легкомысленно. У них не было ничего общего. Связывал их только Этан.

Но это было почти десять лет назад. Много изменилось с тех пор. Для обоих. Он стал настоящим мужчиной и теперь был еще более уверенным, особенно в себе, и, подобно всем Мастерзам, излучал мощь и сознание собственной правоты. А она? Попрежнему была погружена в свои исследования, и его присутствие вызывало в ней неловкость.

В тот момент, когда его пальцы коснулись ее спины, ее точно молнией поразило. Все нервные окончания словно обожгло, а теперь на следующие несколько дней они останутся вдвоем в тесном пространстве. Может, она сделала ошибку, попросив его остаться?

До нее доносились мужские голоса: Рейф разговаривал с Маком. Вскоре мужчины обнялись, и Мак сошел на берег. Рейф занял место на борту и завел двигатель. Мак на прощание помахал им рукой с причала. Когда яхта выплыла в мутные речные воды, набухшие после недавнего зимнего дождя, Шанал почувствовала, как напряжение, охватившее ее тело, немного ослабло. Она поднялась и вошла в каюту.

– Полагаю, я нарушила все твои планы, – сказала она, встретив взгляд Рейфа. Он беспечно пожал широкими плечами:

– Не проблема. Я дам родным знать, что уеду на несколько дней, и, кроме того, у меня все равно нет особенно важных дел.

Она почувствовала в его словах желание оскорбить. Намек на то, что она всего-навсего небольшая помеха на его пути.

Шанал подавила вздох.

– Возможно, ты гадаешь, почему я сбежала. И снова это небрежное пожатие плечами.

– Это не мое дело.

Она пыталась найти слова, чтобы начать разговор. Объяснить внезапное удушье и накативший на нее иррациональный страх. Стоя у алтаря, – неужели это было всего пару часов назад? – и слушая священника, она невольно увидела, как простирается перед ней вся остальная жизнь. Ничего не будет, как планировалось...

Конечно, как жена Бертона, она будет по-прежнему участвовать в его исследованиях: искать убежища в фактах, цифрах и анализе. И наконец-то займет должность, о которой мечтала столько лет.

Когда дело дошло до обсуждения брачного контракта – документа, гарантировавшего назначение Шанал главой исследовательской лаборатории и перечислявшего условия большого денежного обеспечения, которое она получит после свадьбы, – у нее самой было на уме только одно: безопасность. Не счастье. Не любовь – если не считать любви к родителям и желания сбросить напряжение и скорбь по прежней жизни с хрупких отцовских плеч.

Пока шло обсуждение в присутствии их юриста, все казалось разумным компромиссом. Финансовая безопасность родителей и хорошая должность для Шанал в обмен на замужество с красивым, богатым, обаятельным мужчиной, которого она, к сожалению, не любила. Но в то время она думала, что любовь придет позже.

Бертон не делал тайны из своего влечения к ней с того дня, когда она стала работать в исследовательской фирме, носившей его имя. Иногда они встречались: ничего серьезного. По крайней мере, она так думала. Но потом он удивил ее своим предложением выйти за него замуж. Шанал не сразу дала ответ, в уверенности, что откажет ему, но при этом прекрасно сознавала, что сделает этот отказ с ее шансами на повышение в «Бертон интернешнл». Но как-то мать отвела ее в сторонку и открыла ужасное положение, в которое попали она и отец Шанал.

Шанал знала, что обвинение в медицинской халатности, выдвинутое против отца почти пять лет назад, дорого ему стоило. Безмерно гордившийся своими знаниями и идеальной репутацией врача, он скрыл ранние симптомы бокового амиотрофического синдрома, или болезни Лу Герига, тяжелого поражения центральной нервной системы, что стоило жизни одному из пациентов. После этого случая он был вынужден отказаться от операций на сердце и оставить практику. Никому не был нужен хирург, мышцы которого постепенно атрофировались, что приводило к неожиданным подергиваниям и судорогам. И конечно, никому не был нужен человек, позволивший гордости встать на пути чьей-то жизни.

Страховка за преступную небрежность врача покрыла часть суммы иска, возбужденного против него. Но угрызения совести продолжали его терзать, и, поскольку все его средства были обращены в долгосрочные финансовые вложения, так что превратить их в наличные стоило много труда и времени, отец взял краткосрочный кредит, чтобы передать средства семье погибшего пациента. Заложить дом в то время казалось неплохой идеей, и он честно собирался заплатить всю сумму залога из дохода от вложений. Пока не открылась правда о его финансовом состоянии...

Он доверился старому школьному другу, владевшему фирмой по планированию финансов. Другу, который, как оказалось, затеял сложную финансовую пирамиду. Родители Шанал потеряли все, до последнего доллара. Шанал отказалась от аренды дома и немедленно переехала к родителям, чтобы помочь.

Пока она хорошо зарабатывала и имела кое-какие сбережения, но знала, что это долго не продлится. Они выплачивали проценты по закладной и могли жить на остальное, но эти расходы вскоре так возрастут, что будут ей не по карману, прежде всего потому, что болезнь отца начнет прогрессировать, и ему понадобится больше помощи. Шанал казалось жестокой иронией то обстоятельство, что, хотя отец дорого заплатил за финансовую безопасность семьи пациента, теперь за это расплачиваются его собственные родные.

В момент слабости она поделилась своими тревогами с Бертоном, который тут же снова сделал предложение, сказав, что он с самого начала хотел видеть ее своей женой и что момент для этого самый подходящий, поскольку, как ее муж, он смог бы помочь ей и ее семье. Для начала он настоял на том, чтобы выплачивать деньги по закладной родителей, и предложил денежное содержание, что давало им возможность спокойно жить после свадьбы. Она честно верила, что сможет пройти через это.

Однако реальность оказалась неприятным шоком. Как только Шанал согласилась стать его женой, Бертон взял на себя куда больше, чем оплату по закладной. Ошеломляющее чувство потери себя, поразившее ее, когда она стояла у алтаря, по-прежнему оставалось, словно холод-

ные костлявые пальцы сжимали ее сердце. Она на секунду закрыла глаза и покачала головой, чтобы избавиться от этих ощущений.

А когда открыла глаза, тут же поежилась от пронизывающего взгляда Рейфа. Но в то же время она чувствовала, что он не видит, как она измучена и издергана. Она хотела избавиться от этого взгляда. Чем угодно занять себя, хотя бы на пару минут.

– Я сварю нам кофе, хорошо? – спросила она с наигранным оживлением.

– Конечно. Для меня – черный.

Конечно, для него – черный. Обманчиво простой, как сам Рейф, и все же со скрытыми глубинами и нюансами.

Шанал оглядела хорошо оборудованную кухню, нашла кофеварку и кружки, аккуратно составленные в шкафчике.

– Как долго ты знаешь Мака? – спросила она, намереваясь прервать становящееся тягостным молчание.

– Около пяти лет.

Она ждала продолжения, но с таким же успехом могла ожидать таяния полярных льдов.

– Как вы встретились? – настаивала она.

– Вместе летали на парашютах над водой. Спускались в каньоны.

Шанал хорошо знала о былом интересе Рейфа к экстремальным видам спорта. Он постоянно прыгал с какого-нибудь высокого пика или с самолета или плыл на каяке по бурной реке. Да что в этом странного? Он – сильный, смелый, импульсивный.

Но интерес Рейфа к подобным занятиям мгновенно померк после смерти Лорел, его девушки, погибшей в каньоне несколько лет назад.

– Он знал Лорел? – выпалила Шанал, прежде чем успела опомниться.

– Она была его дочерью.

– Ох...

Шанал дрожащими руками попыталась насыпать в кружку ложку сахара, но белые крупинки рассыпались по кухонной стойке.

– Прости, я не хотела... – Все в порядке, – мрачно отозвался он. – Я вполне способен о ней говорить.

Шанал бросила на него взгляд, отметила, как крепко его руки сжимают штурвал – даже побелели костяшки пальцев.

– Тяжело терять близких людей, верно? Часто не знаешь, что сказать, поэтому лучше промолчать.

Рейф что-то проворчал. Шанал закончила варить кофе, думая о его словах. То же самое можно было сказать и о людях, перенесших другие трагедии, вроде их собственных. Никто не хотел говорить о проблеме, и беседа обычно вертелась вокруг других тем.

По крайней мере, так было с отцом. Пока болезнь бушевала в нем, он постепенно терял независимость и способность владеть собственным телом. Друзья, не зная, что делать и как помочь, постепенно исчезали один за другим.

Плохо еще, что отец был таким гордым и сдержанным человеком. Он очень плохо воспринял необходимость уйти на покой из-за болезни. И ненавидел тот факт, что превращается в инвалида. Ненавидел всю работу, которую не смог завершить достойно, необходимость зависеть от окружающих. Он всегда так гордился своей независимостью, своими возможностями. Работая хирургом, он спасал людей, и это позволяло ему прекрасно обеспечивать семью, давало чувство цели и смысл жизни. Потеря всего была сокрушительной. Он стал отшельником, презирая себя за растущую зависимость от окружающих.

А тут еще и их финансовое положение...

Шанал запретила себе думать об этом, пока угрызения совести не начали терзать ее с новой силой. Она буквально сбежала от решения финансовых проблем родителей. И не хотела

вновь идти по этой дороге. Просто не могла. Вероятно, через несколько дней у нее найдется решение. А может, на виноградных лозах вырастут гроздья из чистого золота...

Она с горькой усмешкой покачала головой и передала Рейфу кружку. Села рядом с ним, пока он вел яхту вверх по течению.

– Много собираешься пройти сегодня?

– Нет, не слишком, – ответил он, прежде чем сделать глоток. – Солнце сядет через пару часов. Можем выбрать место на реке, провести ночь, а завтра с утра пораньше пуститься в путь, если ты согласна.

– Звучит неплохо.

– Кстати, хочешь постоять у штурвала? – спросил он.

– А это безопасно? Я никогда раньше не управляла яхтой.

– Когда-нибудь нужно начинать. Кроме того, скорость не более семи километров в час.

Не думаю, что даже ты можешь натворить дел.

– Это ты о том дне, когда я задела трактором сарай на винограднике?

Его губы смешливо дернулись.

– В свое оправдание могу сказать одно: никто не сообщил мне, что на этой штуке есть тормоз.

– Согласен, ты права. Сегодня начнем твой первый урок.

Он коротко объяснил значение кнопок и ручек управления и позволил ей встать за штурвал. Как только Шанал поняла, что требуется делать, она нашла это занятие на удивление расслабляющим.

Шанал осторожно вела яхту по реке. Солнце уже садилось, посылая рассеянный золотистый свет между силуэтами деревьев на берегу, когда Рейф предложил, чтобы они причалили к крохотному пляжу у речного берега. Как только они пришвартовались, спустил маленькие сходни и привязал яхту к большим древесным пням. Шанал заглушила двигатель и вышла на переднюю палубу.

– Знаю, это безумие, – сказала она. – Но у меня такое ощущение, словно сейчас мы – единственные люди на реке.

– Я знаю, о чем ты. Здесь очень быстро охватывает чувство полной изоляции. И по-своему это хорошо.

– Спасибо. Мне действительно это было нужно.

Он кивнул и вошел в каюту. Через несколько минут Шанал последовала за ним. Рейф открывал бутылку вина на кухонной стойке.

– Хочешь? – спросил он, поднимая пустой бокал.

– Да, пожалуйста.

Она подождала, пока он налил белое вино, и взяла у него бокал.

– Ваше? – спросила она.

– Конечно. Мой виноград. Блестящий ум Этана.

– Из вас вышла хорошая пара, – улыбнулась она.

– В точности как делали до этого наши отцы.

– Твой отец по-прежнему управляет виноградником? Рейф глотнул вина и довольно кивнул:

– Да, хотя последнее время все больше отходит от дел. На будущий год он и ма собираются в Эльзас и Бордо. Он был привязан к винограднику почти всю взрослую жизнь. Им неплохо бы немного попутешествовать, и я знаю, что они полюбят Францию.

Шанал отпила вина, наслаждаясь вкусом, взорвавшимся на языке.

– Это с виноградника рядом с твоим домом? Того, который частично уцелел в большом пожаре?

Тридцать лет назад семья Мастерз почти разорилась, когда разрушительные лесные пожары уничтожили фамильный дом «Мастерз Райз» вместе почти со всеми виноградниками. На то, чтобы оправиться от несчастья, ушли годы. Решимость, годы и много часов тяжелой работы. Тогда семья сплотилась, стала ближе, более единой перед лицом трагедии. Теперь она снова была успешной и сильной. Но руины старого дома по-прежнему стояли часовыми над новым – мрачное напоминание о том, что все может быть потеряно в мгновение ока.

– Именно из этого винограда, – подтвердил Рейф.

– Этан говорил мне, что ты стал ярым поборником внедрения органических удобрений на виноградниках.

Он улыбнулся – первая настоящая улыбка, которую она видела у него за весь день, и, казалось, немного расслабился.

– Трудно порвать со старыми обычаями, но, думаю, в этом случае оно того стоит. Моей целью всегда было применение на виноградниках самых прогрессивных методов.

– Что же, если это вино может служить примером, ты определенно на верном пути. Он поднял бокал в безмолвном салюте.

– Может, выйдем на палубу? Ты не замерзнешь, если наденешь мою куртку.

Шанал последовала его совету, надев лежавшую на диване куртку, вышла вместе с ним на палубу и села на плетеный стул. Солнце напоследок взорвалось золотистым светом, прежде чем исчезнуть. Темнота накрыла землю, усиливая чувство изолированности, о котором она упоминала ранее. И даже слыша ночные звуки, Шанал не ощущала тревоги или страха. Потому что рядом был Рейф. Неудивительно, что она чувствовала себя в безопасности рядом с ним, если вспомнить о том, как сегодня он помогал ей и защищал. Она очень ему обязана. Немногие мужчины сделали бы то, что сделал он.

Шанал вздохнула и снова пригубила вино. Молчание было дружелюбным, но она чувствовала необходимость сказать что-то о бегстве со свадьбы.

– Полагаю, я должна объясниться, – начала она, поворачиваясь лицом к смотревшему в темноту Рейфу.

– Не должна.

Рейфу вовсе ни к чему знать, что привело Шанал в чувство и спровоцировало ее бегство из-под венца. И, честно говоря, чем меньше времени они проведут в разговорах о так называемом женихе, тем лучше будет чувствовать себя Рейф.

– Но я...

– Послушай, – перебил он. – Мы с Бертоном Роджерсом вместе учились в школе. И даже одно время считались почти друзьями. Но все это в прошлом. Будем честны: меня куда больше интересовали причины, по которым ты согласилась выйти за него, чем причины побега. Тебе не нужно ничего объяснять.

Шанал села прямее.

– Ты действительно его не любишь, верно?

– Не люблю и не доверяю ему.

– Именно об этом ты хотел поговорить со мной, когда мы объявили о помолвке, ведь так?

Он осушил бокал.

– Налить еще? – спросил, вставая и протягивая руку.

– Нет, спасибо, не стоит. По-моему, выпитое ударило мне в голову. Я слишком нервничала, чтобы позавтракать, и...

– Пойду разогрею ужин. Мак оставил нам запеканку с курицей. Но с завтрашнего дня придется готовить самим.

Он вошел в каюту, прежде чем Шанал поняла, что так и не дождалась ответа на вопрос. Но он не учел ее упертой решимости все доводить до конца. Ему бы следовало это знать.

Именно поэтому она считалась таким хорошим исследователем. Но сейчас вряд ли она могла быть хорошим компаньоном.

– Что именно ты тогда не сказал мне, Рейф? Почему ты его терпеть не можешь?

– Сейчас это уже не важно.

– Я бы хотела знать.

Он поставил микроволновку на подогрев и сунул закрытую миску с запеканкой, прежде чем повернуться к Шанал.

– Он убил Лорел, – просто ответил Рейф.

Глава 4

– Рейф, это неправда! Ты знаешь, что с него были сняты все обвинения! – воскликнула Шанал, недоверчиво наморщив лоб.

– Так и знал, что ты это скажешь. Поэтому и не хотел тебе говорить, ни тогда, ни сейчас.

Отвернувшись, Рейф поискал приборы и подставки для тарелок, после чего стал накрывать на стол.

– Тебе все еще холодно? – спросил он, включая газовую горелку.

– Все в порядке. И откуда ты знал, что я это скажу?

Теперь на ее щеках появился легкий румянец. Очевидно, она любила конфликты и споры больше, чем он предполагал.

– Ты была помолвлена с этим человеком. Очевидно, ты примешь его сторону. И давай откровенно: последнее время мы с ним стали врагами. Ты вряд ли поверишь тому, что я скажу.

Рейф скрестил руки на груди и расставил ноги, словно подначивая ее возразить на его последние слова. Под его неотступным взглядом она растеряла напускную храбрость, побудившую противоречить ему. Ее плечи опустились, и она, казалось, внутренне съезжилась.

– Мне жаль, что ты так себя чувствуешь, – тихо сказала она, прежде чем снова встретиться с ним глазами. – И все же, несмотря на твое мнение обо мне и моем выборе, ты единственный пришел сегодня мне на помощь.

Как объяснить, что он сделал это не столько ради нее, сколько назло Бертону? Черт, разве после смерти Лорел Рейф не поклялся сделать все возможное, чтобы помешать Бертону причинить зло другой женщине, особенно той, кого он...

Но Рейф запретил себе думать об этом и продолжал накрывать на стол и накладывать в миску найденный в холодильнике салат.

Не объясняя, почему считает Бертона убийцей, он, как мог, пытался убедить Шанал подумать, прежде чем выйти замуж. Но она была неумолима. До сегодняшнего утра.

– Рейф? – мягко напомнила о себе Шанал.

– Ты была расстроена и хотела сбежать. Я был рядом и сумел помочь тебе: что еще мне было делать? Я не собирался стоять в стороне и позволить, чтобы из тебя сделали фрик-шоу!

– Нет, полагаю, это будет, когда я снова вернусь домой.

– Не обязательно. Можешь сделать заявление для прессы и потребовать, чтобы тебя оставили в покое, – горько рассмеялся он. – А можешь вообще не возвращаться домой.

Она покачала головой:

– Все не так просто.

– Если захочешь, все может оказаться просто.

Она отвела взгляд, но не прежде, чем он увидел мучительную грусть в ее глазах. И понял, что она далеко не все ему сказала. Но как вытянуть из нее правду? Вот в чем вопрос.

– Так или иначе, – продолжал он, – я не спешу обратно. А ты? По ее телу прошла дрожь.

– Нет.

– Тогда не будем накликать беду.

Микроволновка звякнула, и Рейф поставил на стол запеканку.

– Садись скорее и давай поедим.

Он поднял крышку, и умопомрачительный запах курицы в абрикосах наполнил воздух. Рейф щедро положил блюдо на тарелку и поставил перед ней.

– Бери салат, – наставлял он, прежде чем положить себе еду.

Они ели молча. Шанал съела больше, чем ему казалось возможным, учитывая обстоятельства и то, как сильно она была напряжена. Он принес их бокалы и налил вина.

– Пытаешься помочь мне утопить мои печали? – спросила она с невеселой улыбкой.

– А ты печальна? – парировал он.
Она смотрела ему в глаза. Упрямый подбородок вызывающе поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.